

Т.Н. Игнатюк (г. Брест, Беларусь)

ПАРЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ФАКТОР КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ *NOMINA AGENTIS*

Паремический фонд русского языка является неотъемлемой частью национальной языковой картины мира и обладает особой ценностью, поскольку паремия как полифункциональный знак способна к реализации функций и языка, и культуры. Паремии – под ними понимаются «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи замкнутые фразы, которые являются маркерами ситуаций или отношений между реалиями действительности» [1, с. 67] – считаются и наиболее яркими носителями ценностно-смысловой семантики русского языка.

Названный термин выступает родовым обозначением обширного класса народных афоризмов – пословиц, поговорок, загадок и примет. Основным видом паремий, однако, признаются пословицы и поговорки. Пословица – паремический жанр, с помощью которого формируются стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций. Поговорка – это средство стереотипизации образной номинации денотатов обыденного сознания, она может иметь признаки обобщенного значения пословицы и выступать своеобразной когнитивной базой для формирования пословицы [2, с. 11–12].

Пословицы и поговорки обладают оценочной семантикой в силу оценки событий, ситуаций реальной действительности или поведения человека и в обобщенно-афористической форме выражают определенную житейскую мудрость или мораль. Ведущей прагматической функцией пословиц является выражение стереотипной сентенции. Поскольку пословица всегда сосредоточена на нравственно-этических нормах, даже если речь идет об их житейском осмыслении, то прагматический смысл пословичного текста в первую очередь связан с оценкой, выраженной в этом тексте. Поговорка, особенно с признаками обобщенного значения, тоже оценивает ситуацию, при этом однозначно и категорично.

На наличие оценки в паремиях издавна обращали внимание все исследователи, которые имели с ними дело. Например, В.И. Даль определял пословицу как «суждение, приговор, поучение, высказанное обняком». На непрерывное присутствие оценки в пословичном тексте указывает и В.П. Аникин, подчеркивая, что «это обширная энциклопедия человеческих пороков и недостатков...» и «столь же обширная энциклопедия добродетелей и достоинств» [3, с. 5]. В.И. Карасик, указывая на наличие в прагматическом значении пословиц оценки, также подчеркивает, что ее

когнитивным основанием в пословичных высказываниях выступает система ценностей и предпочтений, сложившихся в том или ином обществе [4].

«Всякое оценочное суждение, – констатирует Е.М. Вольф, – предполагает субъект суждения, то есть то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится» [5, с. 22]. В пословицах и поговорках автором суждения обычно выступает социум, или коллективный субъект, а объектом может быть индивидуум, предстающий как некое обобщенное лицо. Представление лица в качестве объекта оценки обуславливает широкое использование в составе пословиц прагматически значимых личных номинаций (*nomina agentis*).

Прагматическая сущность паремических текстов может формироваться именно вокруг оценочных номинаций лица. Дело в том, что в лингвистической прагматике пословица определяется «как замкнутая предикативная единица гибридного типа, совмещающая признаки языкового знака и мини-текста» [6, с. 105]. Пословицы квалифицируются как языковые знаки вторичной номинации, а под знаками вторичной номинации, как известно, понимаются номинативные единицы, содержащие в своем значении смысловую связь с семантикой знаков первичной номинации. Поэтому образный смысл пословицы, подобно смыслу метафоры, является производным от прямого значения слов, составляющих пословичный текст. Например, позитивный оценочный смысл в пословицах: *Плох тот солдат, который не надеется быть генералом; Для друга и семь верст не околица; Свой своему поневоле друг; Глупый киснет, а умный все промыслит; Ученого учить – только портить* – возникает благодаря наличию объективного (дескриптивного, признакового) мелиоративного оценочного компонента в лексическом значении слов *генерал, друг, умный, ученый*. Здесь оценка обусловлена собственными свойствами названных лиц. В паремиях: *Пьяница проспится, а дурак никогда; В семье не без урода; Вдовец – деткам не отец* – оценочный смысл, наоборот, негативный, потому что личные номинации *дурак, урод, вдовец* имеют в семантике явно выраженные отрицательные смысловые признаки. Иначе говоря, здесь и в личных номинациях, и в паремических текстах в целом оценка присутствует в эксплицитной форме.

Вместе с тем оценочный компонент в содержании личной номинации, выступающей в пословице или поговорке, объективно может отсутствовать. Например, паремия *Не с богатством жить, а с человеком*, которая используется при характеристике замужества или женитьбы [7, с. 219], потенциально допускает для слова *человек* любой оценочный смысл. Своеобразие семантики паремий, как отмечают исследователи, заключается, однако, в их способности к приращению смысла, обусловленного взаимо-

действием когнитивного основания паремии с событийно-смысловой основой реального или потенциального дискурса [2, с. 27]. В этом случае оценочность личной номинации формируется за счет паремического контекста. На значение *nomina agentis* проецируется общий смысл паремии, возникающий как благодаря ситуации, в которой функционирует паремия так и семантике слов, образующих текст.

Приведем еще несколько примеров. Значение поговорки *Все (мы) люди, все (мы) человеки*, в которой лексема *человек* не имеет явной оценочной коннотации, идентично утверждению '*каждому свойственны слабости, недостатки*' [7, с. 76]. Приращение оценочного смысла возникло, очевидно за счет речевой ситуации, в которой к недостаткам человека отнеслись снисходительно. В результате эта поговорка оправдывает человеческие слабости. В поговорке *С людьми и смерть красна* [7, с. 186] слово *люди* обретает позитивную коннотацию именно благодаря общей оценке ситуации.

Паремия *Козла бойся спереди, коня сзади, а человека со всех сторон* наоборот, актуализирует в содержательной структуре слова *человек* потенциальные негативно оценочные компоненты значения. Их актуализация происходит благодаря общему контексту, сопоставлениям с агрессивными животными, а также коннотации лексем *бойся, козел*. В поговорке *Свеп (мир) не без добрых людей* в слове *люди* выявляется позитивный смысл как результат текстового «заражения» от слова *добрых*.

Если принять во внимание социальную основу оценки и толковать коннотацию как экстралингвистическое явление, то оценочный компонент в семантике личной номинации часто может характеризоваться нестабильностью, так как зависит от точки зрения говорящего. В этом случае контекст паремии может служить уточнению характера социальной оценки представленной в обозначении лица. Например, лексема *воевода* потенциально отмечена позитивной оценкой, обусловленной социально-политической значимостью этого лица. Эта оценка, однако, реализуется для слов: *воевода* в текстах старинных пословиц лишь при соответствующей дисприбуции: *Поля хранятся огородою, а люди – добрым воеводою; Царь благими воеводы смиряет мира невзгоды* [8, с. 81]. Однако в контексте паремий *Наказал бог народ, наслал воевод; На мир – беда, а воеводе – нажиток* [8, с. 81] оценочность лексемы *воевода* благодаря общему смыслу контекста носит явно отрицательный характер. Аналогичны примеры конкретизации коннотативного компонента оценки в значении личной номинации *судья*, сравним: *Где добрый судья, там нет ябедников Судья праведный – ограда каменная и Законы святы, да судьи – супостаты; Не бойся суда, а бойся судьи*.

Особенно значима роль контекста в создании прагматического содержания номинации лица в тех случаях, где имеет место метафорически

перенос. В качестве иллюстрации приведем такие тексты: *За добрым мужиком и чулинда* ('чучело') – *жена, а за дурным и поповна – раба* [8, с. 119]; *Полюбится сатана лучше ясного сокола*. Оценочное значение лица чаще всего получают при переносном употреблении названия животных и птиц, реже растений (*Мужу псу не отдавай казну всю; Любовь зла, полюбишь и козла; В девках курочка – в бабах дурочка; Молоды опенки, да черви в них*). Как правило, такие метафоры чаще выступают в роли предиката (*Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога; В сорок два года баба ягода, в сорок пять – баба ягодка опять* и др.). Изредка в контексте паремий оценочными названиями лица становятся и обозначения неодушевленных предметов (*Хоть бы за пенюшка, когда нет хорошего женишка; Хоть за батожок, да на ближний бережок*).

Заметим, что в *nomina agentis* метафорического происхождения оценка, как правило, занимает не только определяющее место в смысловой структуре, но и осложняется образностью (*ворона, курочка* – о женщине; *орел* – казак, *пес* – муж), экспрессивностью (*сатана* – о недостойном человеке; *выродок* – о жестоком человеке) и т.д.

Таким образом, не только оценочный компонент личной номинации, проецируясь на прагматическое содержание паремии, но и паремический контекст как сложно построенный смысл может продуцировать оценочность в значении нейтральной личной номинации, может уточнять или изменять характер дотекстовой оценки номинаций лица и даже создавать в результате металогической дескрипции такие *nomina agentis*, в которых оценка целиком заполняет смысловую структуру слова.

Литература

1. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2002. – 240 с.
2. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на матер. русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Б. Савенко. – Белгород, 2011. – 46 с.
3. Аникин, В.П. Долгий век пословицы / В.П. Аникин // Русские пословицы и поговорки. – М. : Худ. лит., 1988. – С. 3–12.
4. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/500068/>. – Дата доступа : 8.06.2013.
5. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. (Лингвистическое наследие века.)
6. Абакумова, О.Б. Семантика и прагматика пословиц в дискурсе / О.Б. Абакумова // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 4 (14). – С. 105–107.
7. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
8. Иллостров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллостров. – Киев : Типография С.В. Кульженко, 1904. – 482 с.